

«Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и порока нет на тебе!»
 «Tota pulchra es, amica mea, et macula non est in te»

8 сентября 1456
 Рождество Девы Марии
 Бриксен

1. *«Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и порока нет в тебе!»*¹ (глава 4 Песни песней)

Поскольку совершая торжество Рождества Преславной Девы, мы поём также и слова из темы², речь пойдёт о красоте.

2. Первыми приходят на ум слова Дионисия, где он говорит о красоте³: «благое» по-гречески именуется «kalos», а «прекрасное» - «kallos», словно благое и прекрасное смыкаются. Греческое «kalo» по-латыни значит «зову»: благое, как и прекрасное, зовёт и привлекает к себе⁴. Прекрасное называют также «formosum» («изящное») – от «forma» («форма»); «speciosum» («миловидное») – от «species» («вид»); «decorum» («благое», «пристойное») – от «decoro» («украшаю») или «decet» («лепо», «пристойно»). Что пристойно, то привлекательно и прекрасно.

3. Если присмотреться, прекрасное мы воспринимаем, каждым по-своему, наиболее духовными из чувств, т.е. теми, которыми добываем знания. Мы ведь говорим о красоте цвета или очертаний, а равно звука, песни, речи - т.е. как-то воспринимаем красоту зрением и слухом, но не говорим как о прекрасном ни о запахе, ни о вкусе, ни о чём-то осязаемом, так как эти чувства лишены близости разумному духу, оставаясь чисто животными свойствами. Впрочем, в человеке все чувства, соприкасаясь с интеллектуальным духом, становятся благороднее, чем у животных: более благородная способность облагораживает и то, что с ней соединено, подобно освещающему воздух солнечному свету.

Итак, прекрасная форма и цвет привлекательны для зрения, а прекрасная гармония – для слуха. Это свойственно человеку потому, что наслаждающийся пропорциями разум в названных чувствах просвечивает ближе всего, отчего

---

¹ Песн. 4, 7

² «Tota pulchra es, Maria, et macula originalis non est in Te» - антифон, который поётся на вечерне некоторых Богородичных праздников

³ см. Дионисий Ареопагит, «Об именах Божиих» IV, 7. Ниже НК излагает, однако, не самого Дионисия, а комментарий Альберта Великого к IV главе «Имен Божиих», к которому также сохранились собственные маргиналии НК (см.: Cusanus-Texte III-1, Nicolaus Cusanus und Ps. Dionysius im Lichte der Zitate und Randbemerkungen des Cusanus von Ludwig Baur, Heidelberg 1941, S.107)

⁴ Альберт Великий, «На Имена Божиих» IV, 71; ср. Платон, «Кратил» 416c

хорошо упорядоченное и соразмерное (т.е. такое, где во множестве просвечивает единство пропорции, или гармонии) и приятно им⁵.

4. «Смысл же прекрасного состоит - по словам того же Дионисия - в некоем созвучии различного»⁶.

Он рассуждает:

«Есть некие божественные исхождения в творение; они приводят творение к совершенству уподоблением его божеству, поскольку то, что исходит в исхождении, есть форма – как, например, от первого жара [исходит] всё прочее горячее. Первое исхождение, совершающееся в уме, соответствует восприятию [предмета как] истины. Затем эта истина раскаляется и воспринимается уже в смысле блага (*in ratione boni*), и тут приходит в движение устремлённое к ней желание. Движению желания должно предшествовать восприятие двоякого рода: одно, относящееся к созерцательному интеллекту, есть отвлечённое (*absolute*) восприятие истины как таковой; другое, относящееся к интеллекту практическому, расширяет истину смысловым содержанием блага. Тогда только впервые возникает движение желания к благу»⁷.

5. Альберт, которому принадлежат эти слова, в комментарии к Дионисию приводит пример:

«Как врачебное искусство не принесёт своими действиями плода без помощи природной силы, так и желание не придёт в движение, если его не направит восприятие истины. Восприятию истины соответствует исхождение света; восприятию истины в смысле блага соответствует исхождение красоты; движению желания соответствует исхождение любви (*processio diligibilis*)» - в таком порядке трактует их Дионисий⁸.

6. Туллий в первой книге «Обязанностей» определяет прекрасное как «достойное» (*honestum*), т.е. такое, «что притягивает нас само по себе и привлекает собственным благородством»⁹. Поэтому нам следует продумать, что

---

⁵ ср. «Игра в шар» II, 90; Платон, «Федр» 250d; Августин, «О порядке» II, 11 (33); Фома Аквинский, «Сумма теологии» I/II, q.27 a.1 ad 3; II/II, q.141 a.4 ad 3

⁶ «*ratio pulchri consistit in quadam consonantia diversorum*» - тезис Альберта (*ibidem*, 71); ср., однако, у Ареопагита (там же): «*universorum consonantiae et claritatis causa*» (в пер. Иоанна Сарацина)

⁷ Альберт Великий, *ibidem*

⁸ *ibidem*

⁹ ср.: Цицерон, «Об обязанностях» I, 6 (18). Цитируемая фраза, которую НК приводит по Альберту (там же, IV, 72), однако, находится в «*De inventione*» II, 52 (157)

«смысл (ratio) прекрасного включает три вещи. [Во-первых,] оно – блеск (resplendentia)¹⁰ формы, субстанциальной или акцидентальной, в приведённых к соразмерности и определённости частях материи¹¹ (так тело называется прекрасным из-за цветного блеска соразмерных членов). Во-вторых, оно – то, что влечёт к себе желание; это свойственно [прекрасному], поскольку оно есть также благо и цель. В-третьих, оно – то, что собирает всё вместе (congregat omnia), причём это относится к форме, блеск которой и делает вещь прекрасной. Красота же сама по себе – это то, что по своей сущности есть создающая всякую красоту причина красоты»¹².

7. «Итак, прекрасное и достойное с точки зрения подлежащего суть одно и то же. Различаются же они по смыслу: смысл прекрасного в целом есть блеск формы в приведённых к соразмерности частях материи, или в разных материях, или в действиях. Смысл же достойного состоит в том, что оно притягивает к себе желание»¹³.

В Боге красота и прекрасное, по Дионисию, суть одно и то же.

«Ибо красота в Боге есть первая и высшая; из неё природа красоты, т.е. форма прекрасных вещей, истекает во всё прекрасное»¹⁴; «создающая всё прекрасное, как белизна – белое»¹⁵.

«Сущность Бога, которая есть Сам Бог, – по Альберту – высшая и первая красота»¹⁶.

8. Всему прекрасному присуще созвучие (или пропорция) и ясность (или яркость)¹⁷. Согласие – как подлежащее, ясность – как форма¹⁸.

«Добродетели свойственна яркость, в силу которой она и прекрасна. Даже если о ней никто и не знает, она всегда готова к тому, чтобы по своей яркости быть узнанной. В этом смысле Туллий называл достойное прекрасным»¹⁹.

---

¹⁰ «resplendentia» – букв. «отблеск» (что, однако, по-русски звучит слишком бледно), «отражённое (или «воспроизведённое») сияние»; ср. Христос – «сияние (splendor) славы» Отца (Евр. 1, 3).

¹¹ ср. «Простец об уме», II, 63

¹² Альберт Великий, *ibidem*, IV, 72

¹³ *ibidem*

¹⁴ *ibidem*, IV, 73

¹⁵ *ibidem*

¹⁶ *ibidem*, IV, 74

¹⁷ «ясность или яркость» (в переводе В.В. Библихина «ясность или блеск») – «claritas»; см. прим. к CCLXXVIII, 41

¹⁸ Альберт Великий, *ibidem*, IV, 76

¹⁹ *ibidem*

9. С точки зрения подлежащего прекрасное сливается²⁰ с благом, поэтому красоты «все вожделяют»²¹.

«Смысл блага в том, что оно - цель желания, движущая его к себе. Поэтому Философ определяет его так: благо есть то, к чему все стремятся²². «Достойное» прибавляет к благу способность увлечь к себе собственной силой и благородством. «Прекрасное» же сверх этого прибавляет ещё некий блеск и яркость в том или ином соразмерном»²³.

«Красоте, поскольку она цель и благо, свойственно звать к себе; поскольку она форма, ей свойственно собирать; собирать вместе (congregare) - собственное свойство формы, которая соединяет и охватывает единством множество материальных потенциалов»²⁴.

«Поскольку цель, она зовёт к себе»²⁵.

«Красота, зависящая только от одной формы, совершеннее красоты, составленной из нескольких форм. Чем меньше тех, кому нечто обязано совершенством, тем оно благороднее»²⁶.

10. Затем Дионисий рассуждает о том, что прекрасное, которое взаимнообратно с благом, есть причина движения всех духов²⁷, т.е. тех, кто движим желанием, ибо дух, собственно говоря, и есть желание. Когда ангелу является красота блага, в нём возникает жадное стремление и открыть её [другим], и как можно скорее вернуться к наслаждению, замкнув тем самым круг. Явление происходит в центре; открывающее другим нисхождение есть движение до последнего предела по прямой линии, т.е. путь промысла; наконец, возвращение подобно движению спиралевидному, как бы замыкающему круг в красоте благости. Допустим, кому-нибудь явилось сокровище: он поспешит как можно скорее сообщить радость другу и сразу же вернётся пересчитать и насладиться сокровищем. Вот так - кругообразно, прямо и возвратно - движутся ангелы, а также и души, которым присуще столько же подобных движений.

11. Если взгляд, когда солнце посылает ему луч, без которого взгляду не увидеть цвета, захочет разглядеть сам солнечный свет, то ему придётся отвлечься от всего цветного. Так и душа, видящая отдельные предметы при свете действующего разума, если захочет разглядеть сам этот свет, то, отвлекаясь от отдельных предметов, обращается к первоначальному свету. Это, согласно

---

²⁰ «communicat», сообщается; «сливается» - перевод В.В. Бибихина

²¹ Альберт Великий, *ibidem*, IV, 77

²² Аристотель, «Никомахова этика» 1094a3

²³ Альберт Великий, *ibidem*

²⁴ *ibidem*, IV, 78

²⁵ *ibidem*

²⁶ *ibidem*, IV, 79; ср. также: Аристотель, «О небе» II, 12 292a22-24

²⁷ Дионисий Ареопагит, «Об именах Божиих» IV, 8-9; соотв. у Альберта Великого – ук. соч., IV, 95-108

Альберту, есть движение круговое²⁸. Взгляд подобен разуму; солнечный свет – свету действующего разума; умопостигаемое – цветам.

12. Таким образом, движение идёт от красоты первоначального и возвращается к нему же. Действующий интеллект производит всё «силою мерцающего в нём божественного света». И когда потенциальный интеллект, обращаясь от отдельных предметов к разглядыванию себя самого, воспринимает свет интеллекта действующего, то он тем самым и воспринимает, и отражённо в качестве именно интеллекта возвращает первоначальному назад то, что наделило его актуальным бытием²⁹.

13. Движение всего чувственно данного - как и любых последовательностей, установлений, жизней, чувств, души, природы, уменьшений и увеличений, пропорций, смесей, свойств и всего прочего - из прекрасного и в прекрасное³⁰.

«Ибо всё из прекрасного и благого, и в прекрасном и благом, и возвращается к прекрасному и благому. Всё, что существует и возникает, возникает и существует из-за прекрасного и благого, на него взирающее, им движимое и содержимое. Ради него, им и в нём имеет бытие всякое праобразующее начало»³¹.

14. И заключает это словами:

«И, коротко обобщая: всё, что есть, есть из прекрасного и благого, и чего нет, то в прекрасном и благом сверхсущественно (supersubstantialiter) есть, а оно само – начало и конец всего»³².

И ниже:

«Для всего прекрасное и благое желанно, вожделенно и любимо; им и ради него и низшее любит высшее ради возвращения, и равное любит равное ради общения, и высшее соединяется любовью с меньшим в промыслительной опеке, и каждый любит сам себя ради сохранения и удержания; и всё, что ни делается или замышляется кем бы то ни было, делается и замышляется в желании прекрасного и благого»³³.

15. Завершает же он так:

---

²⁸ Альберт Великий, *ibidem*, IV, 103; ср. также у НК: «Игра шара» I, 32

²⁹ парафраз из Альберта Великого (*ibidem*); о типах движение человеческого ума см.: «Об именах Божиих» IV, 9

³⁰ парафраз из «Имён Божиих» IV, 10

³¹ Дионисий Ареопагит, «Об именах Божиих» IV, 10 (здесь и ниже Н.К. цитирует Дионисия уже в переводе Траверсари, а не Иоанна Сарацина, которым пользуется Альберт)

³² *ibidem*

³³ *ibidem*

«Уверенно и с полным основанием скажем, что и сам Виновник всего по величию благодати всё любит, всё создаёт, всё завершает, всё содержит, всё возвращает»³⁴.

В щедром разнообразии выражений великий Дионисий учит нас тождеству блага, к которому стремятся все, и абсолютно прекрасного, т.е. красоты.

Кроме того, он называет свойства абсолютной благодати, поясняя их примером солнца; а затем от чувственного света обращается к свету умопостигаемому - к тому, как свет этот в разумных духах действует подобно солнцу в чувственно воспринимаемой природе³⁵.

Все, что пишет он о прекрасном, несомненно прекрасно.

16. В наивысшей степени прекрасное отражается в самых духовных из чувств - в зрении и слухе; однако касаемся мы ими [прекрасного только] для того, чтобы удивлением вызвать разумный дух к движению, разбудив его потенцию и вернув к действительности его собственной погони за тем прекрасным, которого чувствами он едва коснулся³⁶. Как кто-нибудь, лишь коснувшись сладкого кончиком языка, будет предвкушением движим к насыщению [сладостью].

Все стремятся к благу, которое прекрасно, все к нему возвращаются, каждая вещь сообразно своей природе: бытием, жизнью или интеллектом.

17. Интеллектуальная природа, свойственным себе способом причастная природе благого и прекрасного как своей форме, не может ни питаться, ни жить нигде, кроме как в источаемом ею потоке. Поэтому в благом и прекрасном, которое она вкушает в интеллектуальной созерцании, заключена её жизнь.

18. Мы из опыта знаем, что всем кто «живёт разумом»³⁷, присуще суждение о прекрасном. Прекрасным называют вот эту круглую фигуру, ту розу, вот это дерево, вот эту песню. Но судья, каковым является интеллект, может выносить суждение о прекрасных вещах, называя одну прекрасной, а другую ещё прекраснее, только при условии, что внутри себя уже имеет идею красоты, свёртывающую любую красоту, воспринимаемую чувствами. Тем самым интеллект есть некая универсальная красота, или идея идей³⁸, потому что отдельные идеи суть конкретно ограниченные красоты. Как огонь свёртывает в себе форму и идею всего тёплого, так и интеллект есть сила, свёртывающая все умопостигаемые идеи.

---

³⁴ ibidem

³⁵ ibidem IV, 4-6; ср. также: «Берилл» XIX, 27

³⁶ удивление пробуждает интеллект из потенциального состояния в актуальность – см. «Теологические дополнения» 11 и прим.

³⁷ «те, кто живёт разумом» - т.е. человек; см. прим. к «О равенстве» 34

³⁸ ср. «О равенстве» 19; «О начале» 21; CCLI, 14

Интеллектуальная природа есть первое излучение прекрасного; являясь образом Бога, Который опережающим все образом есть сама красота, она свёртывает в себе любую разворачиваемую идеями в мире красоту любой природы³⁹.

19. Абсолютная красота, которая есть Бог, вглядывается в самую себя, вспыхивая любовью к себе самой.

И в самом деле, как мог бы источник всего прекрасного, коего всё прекрасное заслуженно зовёт своим Отцом, быть полнотой красоты, останься собственная красота ему неизвестной? Разум прекраснее чувства⁴⁰, поэтому бесконечная красота не может не знать себя. От созерцания же, или понимания, красотой самой себя не может произойти ничего другого, кроме бесконечной любви. И вот единоточная троичность красоты: источник красоты рождает понимание красоты, а от них – любовь.

20. Нашему глазу не увидеть себя, не отразившись в зеркале⁴¹; дух же, напротив, не увидит других, не увидев прежде себя, а уже через себя – других. Если бы присущее глазу зрение стало интеллектом, оно бы тоже видело сначала себя, а другое - в себе. Интеллектуальная природа [сперва] осознает себя интеллектуальной (а иначе она бы интеллектуальной не была, причём такое осознание равносильно видению себя), и уже затем видит в себе всё иное сообразно интеллекту, точно так же, как ощущение воспринимает ощущаемое в себе сообразно ощущению⁴².

21. Живущая божественной и вечной жизнью красота, т.е. сама жизнь, которая есть Бог, пожелала явить собственную славу, то есть форму красоты (оттого, что красота есть благо, благу же свойственно изливаться себя⁴³). И вот, чтобы явить [свою] славу, красота призвала к себе ничто и [тем самым], причастив благу и красоте, сотворила мир⁴⁴. Красота влечёт к себе. Весь мир извлечён из ничего красотой; насколько из ничего он приблизился к красоте, настолько из ничего приблизился и к бытию. Следовательно, нет ничего непричастного красоте, равно как и благу⁴⁵.

22. Дающая бытие форма – не что иное, как причастность красоте, а ступени сущего различаются по мере уподобления красоте. Через акцидентальную красоту, которая заключена в оболочке и внешнем облике и которую находим

---

³⁹ ср. «Простец об уме» V, 85; ССXLII, 22-23

⁴⁰ тезис повторяется в «Охоте за мудростью» V, 13

⁴¹ ср. Платон, «Алкивиад I» 132 d слл.

⁴² см. «О равенстве» 6; 9

⁴³ «bonum est sui ipsius diffusivum» - существенное свойство блага; см.: прим. к «О равенстве» 28; ССXXXIV, 4

⁴⁴ творение как призывание из ничего: «О становлении» I, 149; Бог творит мир тем, что даёт Себя увидеть: «О видении Бога» X, 40; Бог сотворил мир, чтобы явить Свою славу: «Берилл» III, 4; «Игра в шар» I, 45; ССXXXIII, 4

⁴⁵ «нет ничего непричастного красоте, равно как и благу» - тезис почти дословно из Дионисия, «Об именах Божиих» IV, 7; также: «Охота за мудростью» XXXI, 92

ощущением, мы приходим к красоте субстанциональной формы. Все что ни есть вещи суть произведения абсолютной красоты, сформированные в уподоблении ей. Такое формирование и есть привлечение [красотой].

23. Согласно пророкам, израильтяне «*восседали в красоте мира (pacis)*»⁴⁶; в другом месте читаем о «*красоте правды*»⁴⁷. Давид говорит о «*красоте поля*» у Бога⁴⁸, и что «*исповедание и красота пред лицом Его*»⁴⁹. Отсюда можем вывести, что в Царстве красоты пребывает всё, что есть и что может быть прекрасного, красота всякого бытия всего существующего, всякой жизни всего живущего и всякого разума.

В единице свёрнуто всякое число, в числе – всякая пропорция и соотношение, а в пропорции – всякая гармония, порядок, согласие и тем самым красота, которая светится в порядке и пропорции, а также в согласии⁵⁰.

24. Соответственно, и когда называем Бога «единым», то это «единое» и есть та самая сверхсущая единица, которая также и красота, свёртывающая в себе всё прекрасное.

Когда говорим: «*Бог есть свет и нет в Нём никакой тьмы*»⁵¹, то свет здесь - то же, что единство. Если бы нашлось простое имя для обозначения того света, который единство, оно подошло бы Богу. В этом имени была бы свёрнута вся красота: и то, что в красоте составляет материю (например, пропорция), и то, что составляет форму (например, блеск); первое – поскольку красота единство, второе – поскольку она свет.

25. Что такое Силы небесные, как не красоты в Царстве Божиим? Сила [и добродетель] велика настолько, насколько красива⁵². Уродливое не от Царства красоты. Безобразие душ не что иное, как обезображивающее собственную красоту уродство, которое не от красоты, потому что первая красота не может источать ничего, кроме прекрасного и благого. Безобразие – от принимающих; благолепие и пристойность – от Подателя формы⁵³.

26. Если глаз заглянет в Царство красоты, он увидит красоту всех прекрасных вещей так, что красота одного не накладывается на красоту другого, ибо красота не количественна, она ни мала, ни велика. Малыми или великими могут быть вещи, прекрасные благодаря красоте. Если увидеть красоту Царства, или иерархии Церкви Воинствующей в Царстве Небесном, то там она видна в своей чистоте, выше всякого ограничения местом или временем. Красота истины

---

⁴⁶ Ис. 32. 18 (Вульг.); синод. «будет жить в обители мира»

⁴⁷ Иер. 31, 23 (Вульг.); синод. «жилище правды»

⁴⁸ Пс. 49, 11 (цсл. «красота селная со мною есть»; синод.: «животные на полях»)

⁴⁹ Пс. 95, 6 (цсл)

⁵⁰ ср. «Простец об уме» VI, 94

⁵¹ 1 Ин. 1, 5

⁵² ср. ССХLI, 9

⁵³ ср. ССХLII, 26

вещей, мест, положений и всего вообще в Царстве красоты исключительно духовна и вечна. Красота невинности, красота чистоты, красота юности, зрелости, целомудрия, мужества и т.д. - все они по отдельности не какие-то смешанные провинции, а прекрасные упорядоченные [области] Царства Небесного.

27. «Обитатели многие» Царства⁵⁴ суть прекрасные добродетели, в которых поселяются красоты добродетельных духов, каждый в той области, что сообразна его добродетели⁵⁵. Двенадцать колен Израиля (т.е. «Боговидцев») в Царстве Иерусалима (т.е. «видения мира») в одном Царстве имеют разделённые по коленам обитатели⁵⁶, в которых вкушают красоту сообразно красоте [собственной] добродетели.

28. Интеллектуальный дух ведёт в этом прекрасном мире (который потому называется ещё «космосом») охоту за красотою добродетелей, которыми он украшает свою природную красоту. Влюблённость (amor) – цель красоты; красота хочет быть любимой. Бог - сама красота, которая хочет быть любимой. Однако красота, сама по себе вызывающая влюблённость, - это [собственно] любовь (caritas). Тем самым никому не увидеть абсолютной красоты без любви.

29. Нашим занятием (studium) должно быть восхождение от красоты чувственных вещей к красоте объемлющего все чувственные красоты собственного духа, чтобы в нашей собственной красоте удивиться красоте источника, подобие которого эта наша красота носит, и чтобы, оставив все уродливое, то есть грехи (наш дух свидетельствует, что они уродливы - свидетельство это называется совестью), в неотрывной влюблённости устремиться к сообразованию нашей красоты с красотой первоисточной. Когда живая красота интеллекта, созерцает, или мыслит, абсолютную красоту, несказанное желание уносит её к ней; и чем жарче желание, тем ближе она подступает, всё точнее и точнее уподобляясь пробразу. Желание, или любовь, непрестанно преображает влюблённого по образу любимого и совершается это восхождение в силу привлекательности красоты, или славы Божией, ведь слава относится именно к области красоты⁵⁷. Быть в славе значит быть в видении красоты, соединяясь с ней любовью.

Вот так пусть теперь будет сказано о красоте.

30. Тему же нашу: «*Вся ты прекрасна... и т.д.*», - следует толковать применительно к душе, которая во всех своих потенциях, в *целости* своей и в полноте совершенства из *юдоли скорби*⁵⁸ вышла *без порока*, и которую Жених, т.е. абсолютная красота, принял прекраснейшим словом, назвав *возлюбленной*. Душа, возлюбившая красоту настолько, что *всю себя* целиком отдала красоте, так что и никакого *порока* в ней не найти, такая душа *возлюбленной* *приходит в*

---

⁵⁴ Ин. 14, 2

⁵⁵ ср. «Игра в шар» I, 51

⁵⁶ ср. Откр. 21, 12

⁵⁷ ср. ССLIX, 17

⁵⁸ ср. Пс. 83, 7

объятия⁵⁹ красоты. Эти пять слов можно истолковать в широком смысле как слова Царя красоты, Который лишь **всю целиком**, всем **прекрасную**, во всём **бытии своём изнемогшую от любви** душу желает иметь **избраннейшей**, только **Своей** [и больше ничьей] **возлюбленной**⁶⁰.

31. Кроме того, слова эти применимы к Преславной Деве Марии, Которая, конечно же, *целиком* и в полноте совершенства превыше всех *прекрасна* во всех смыслах красоты, Которая от начала бытия Своего отдала Себя в невесты абсолютной красоте и Которую как *паче всех возлюбленную* привлекла к себе высшая красота. Обладая в Себе красотой всех добродетелей, Она подступила к престолу Царя красоты ближе всех *дщерей Иерусалимских*, по распределению жребиев занимающих места *окрест Иерусалима*⁶¹, понятого как мать истинного царя Соломона⁶², т.е. [окрест] «красоты вечного мира»⁶³. Движимые благоговением, приступим к Ней, чтобы, Она, зная наши немощи, молилась за нас Сыну Своему Иисусу, всегда благословенному.

---

⁵⁹ Песн. 2, 6; 2, 13

⁶⁰ Вся фраза («...qui non vult nisi totam animam et per omnia pulchram, in omne esse suo et amore languidam ut electissimam solum sui ipsius amicum») развёртывает «пять слов» темы («Tota pulchra es, amica mea»; букв. «Целиком прекрасна еси, возлюбленная моя»). «Изнемогшая от любви» (Песн. 2, 5; 5, 8) – определение «возлюбленной»; «избраннейшая» (Песн. 6, 8-9) – уточнение к «Моя» («только Своей»); «всем бытие своим», «in omne esse suo» (соответствующее слову «еси») можно отнести как к «всем прекрасную», так и к «изнемогшую от любви», тем самым «еси» относится как к «прекрасна», так и к «возлюбленная».

⁶¹ Чис. 26, 55

⁶² см. Пс. 86 (Иерусалим – мать «истинного Соломона»-Христа); также: Гал. 4, 26; Соломон как прообраз Христа – см. прим. к X, 30

⁶³ По традиционной этимологии «Соломон» - «мир» (рах); Иерусалим – «видение мира», «visio pacis» (что можно понимать и как «красоту мира»); соотв. небесный Иерусалим – «красота (видение) истинного (вечного) мира».